

В. С. КУРОЧКИН

ПРИНЦ ЛУТОНЯ

Предисловие Демьяна Бедного
Комментарии А. Ефремина

ИСКРОМЕТНЫЙ

Настоящий, первый номер нашего нового журнала украшен «кукольной комедией» поэта-сатирика, В. С. Курочкина. В своей — нижеследующей — статье об этой «забытой сатире» тов. А. Ефремин поднимает актуальнейший вопрос о срочной необходимости пересмотра всего нашего литературного наследия вообще и критики и литературоведения в частности. В последней области «сила былого классового пристрастия» сказалась особенно. И редко на ком это пристрастие отразилось в такой мере, как на В. Курочкине. После похорон Курочкина Н. К. Михайловский писал с удивлением:

«Нас, пришедших проводить Курочкина туда, идеже несть болезнь, ни печаль, ни вздыхание, но нет также ни песни, ни театра, ни литературы — нас было три-четыре десятка! Это было поразительно».

Ничего тут поразительного не было. И нет ничего поразительного в том, что у последующих критиков и литературоведов оказалась в забвении именно такая пьеса Курочкина, как «Лутоня».

Хоронили поэта-революционера, и «похоронили» — наглухо! — пьесу революционную. «Классово пристрастный», преобладающий элемент прошлых литературных ценителей и судей знал, от какого поэта он отвернулся, о каком его произведении он начисто «забыл».

Я думаю, тов. Ефремин напрасно недооценивает того результата, какой может дать расшифровка кукольных персонажей этой пьесы. Расшифровка показала бы нам, сколь велика революционная динамика пьесы, каким взрывчатым материалом она была начинена. Достаточно обратить внимание хотя бы на фигуру Слоня в кафтане, шитом золотом. Слоня — личность коронованная. Но Слоняю стало опасно украшаться короной. Он пошел, «куда глядят глаза». Попал к мужику Лутоне и объясняет:

Загнала к тебе меня гроза.

Не от радости попал к Лутоне коронованный Слоняй, не добровольно, а
Значит, так сама судьба решила.

Горькая судьба, выходит. Это подчеркивается в дальнейшей речи Слоняя, объясняющего Лутоне:

Отдаю я все, что мне постыло,
Если уж угодно так судьбе,
Все мои владения — тебе,
Меч, кафтан, корону и кольчугу.

Вот до чего довела Слоняя гроза! Ото всего отказаться готов.

Теперь сравните с приведенным местом комедии выписку, скажем, из дневников Е. А. Штакеншнейдер (см. «Голос минувшего», 1916 г., № 4, стр. 45). Запись от 12 апреля 1861 г. — самый послеосвободительный катцен-яммер!

Носятся слухи, что государь в тысячелетие России готовит ей сюрприз: хочет отречься от престола России. От этого легче не будет, но ему будет положительно легче.

Тут бы курочкинский Лутоня мог с равным основанием задать вопрос, который он ехидно задал Слоняю:

Будто вам, в за правду, надоело
День деньской слонять слоны без дела?

А Александр-«освободитель» мог по-слоняевски ответить:

Что ж мне делать — я и сам не рад.

В самом деле до радости ли тут, если автор упомянутого мною дневника не без основания — с чувством жалости к обалделому царю — заканчивает дневную запись так:

Зачем удвоенные караулы во дворце, зачем осматривают всех входящих во дворец с узлом, зачем эти убийственные предосторожности, кто выдумал бедному человеку эту пытку? Ведь не сам же он, за что же станет он себя казнить...

«Пытка!» «Казнить!» «Бедный человек» — это. коронованный самодержец-то! Слух пошел: от престола отказаться хочет,

Если уж угодно так судьбе.

А судьба нависла грозная. И вот о какой грозе писал В. Курочкин «забытую» пьесу. Вот какие громы гремят... в кукольной комедии!

В этой комедии надо разобраться да разобраться. И это будет первым шагом к выявлению подлинной, революционно-боевой, пламенно-агитационной сущности поэта, которому должно принадлежать в литературно-революционном пантеоне одно из первых, почетнейших мест.

Демьян Бедный

ПРИНЦ ЛУТОНЯ

(Кукольная комедия)

Несколько слов от автора-переводчика.

Предлагаемая шуточная комедия заимствована (я не могу по совести назвать свой веселый труд переводом) из вышедшей в 1871 году книжки «Théâtre des marionettes» par Marc Monnier и в подлиннике носит заглавие «Le roi Babolein». Кроме нее в книге помещено шесть комедий, представляющих последовательно сатиры на европейские события последнего времени. «Le roi Babolein», как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье.

К ЧИТАТЕЛЮ

(Из предисловия Виктора Шербюлье к книге «Théâtre des marionettes»)

Друг-читатель, позволь тебе рекомендовать этот томик. Это сборник комедий в стихах и — не в обиду тебе — действие их происходит в фантазии, действуют же в них куклы. Не возражай мне раньше времени, что куклы не интересуют тебя, как существо относительно высшей породы. Марионетка пляшет в направлении, сообщаемом ей неведомою ниткою. Если ты можешь объяснить мне, чем это определение

не подходит к нам, людям, я — клянусь тебе — соглашусь, что ты перехитрил меня. У нас, кукол, покрытых плотью, разум, конечно, из более тонкой материи, весь механизм наш сложнее, идеи не так просты и страсти менее непосредственны; мы любим пространные и нелепые рассуждения; мы громадными усилиями достигаем цели: удалиться как можно дальше от нашей природы. У нас нет заблуждения, на котором мы бы не построили теории, красноречиво доказывающей, что мы правы в нашей неправде — мы никак не можем в оправдание наших пороков ссылаться на наивную чистоту нашего сердца: условные требования чести сделали из нас педантов и софистов. Как неизмеримо откровеннее, наивнее и проще нас деревянные куклы! Им неизвестна путаница наших слов и понятий: у них лица, действительно, зеркала душ, и их страсти приводятся в движение нитками так же произвольно, как их жесты. Эти маленькие механизмы то поют, то плачут, то ругаются — как бог на душу положил — и при этом физиономии их сохраняют всегда одно и то же выражение. Они прямо вываливают все, что им ни придет в голову, беззастенчиво смеются или орут во все легкие, смотря по тому, какая их шевельнет нитка. И все это просто, все это умирительно-балаганно, хотя иногда в деревянных дощечках их груди вспыхивает такой гнев, перед которым бледнеет наше холодное, сдерживаемое теориями негодование.

Тебя, может быть, скандализуют палочные удары, обыкновенно в изобилии расточаемые марионетками в этом идеальном королевстве фантазии, где действительно палка является безапелляционным орудием решения наисложнейших вопросов. Не скандализуйся однако и не относись к бедным марионеткам презрительно. Не думаешь ли ты, что палочных ударов рассыпается кругом тебя меньше? Когда тебе самому делают честь, угощая ими тебя в форме несколько менее оскорбляющей твою гордость, неужели ты так наивен, что не чувствуешь на себе их силу? Друг-читатель, поверь, какая бы палка ни управляла нашими судьбами, она все равно отзывается больно в спине и в душе унижением.

Прими еще вот что во внимание. Во всех комедиях, которые мы привыкли видеть, сидя в театральных креслах, перед тобою обыкновенно проходят великодушные банкиры, бескорыстные чиновники, идеальные лавочники, олицетворяющие собою незыблемые гражданские и семейные начала. Все они действуют, как будто взаправду, рассуждают о добродетелях и процентных бумагах, вежливо расшаркиваются с дамами и девицами высшего и среднего круга, иногда даже с умеющими держать себя в обществе и роскошно одетыми пейзажами. Но в конце концов, прежде чем опуститься занавесу, молодой человек Артур непременно на глазах твоих соединяется узами Гименей с девицей Евгенией. Я ничего не имею против этого брака; это уж так определено свыше; но с незапамятных времен — свадьба Артура и Евгении и каждый день ничего больше, как свадьба Артура и Евгении — согласишься, в этой развязке нет ничего тобою непредусмотренного, следовательно вряд ли она тебе может всегда доставлять удовольствие. Позабудь же на полчаса свои обычные зрелища, приложи глаз к стеклам вертепа, расставляемого перед тобою поэтом, и перенесись с ним без всякой задней мысли в наивные страны абсурда, чтобы позабыться на время «в чародействе красивых вымыслов». Ты увидишь между разными диковинками дровосека, злою игрой случая обратившегося в принца. Ты увидишь, как он сначала счастлив своим новым жребием, и как скоро затем следует разочарование, и он возвращается в лес свой. Его жена — воплощенная житейская муд-

рость, не лишенная своего рода безыскусственной грации и полная любви. Она рассуждает как нельзя лучше для куклы; правдивое чувство ее еще удивительнее: уверяю тебя, я не много знаю сердец, которые бились бы так верно и правильно, как это деревянное сердце. Послушай, например, ее рассуждения о тщете земного величия и преимуществах перед нею темной, спокойной доли. Все это, конечно, ты не раз слышал, но автор заставил для тебя говорить кукол их простым безыскусственным языком, чтобы нехитрые истины не затемнялись перед тобою обычными и только условно-необходимыми хитросплетениями.

Еще одно — и последнее слово. Ты будешь смеяться, читая эти комедии — это удивительно много для нашего времени! Да, марионетки взяли на себя смелость быть веселыми: их слова могут разогнать твою меланхолию, и так как смех дело очень серьезное, может быть, ты и призадумаешься. Если же ты боишься приливов к голове крови и не хочешь думать — будь доволен тем, что ты посмеешься — все-таки выхватишь у неумолимой злобы жизни веселый час, в который забудешь нестройный тяжелый шум, иногда очень чувствительно терзающий слух твой в вечном поступательном движении нашей старой планеты.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ КУКЛЫ:

Лутоня	1)	} публицисты.
Лутониха	2)	
Слоняй	3)	
Ясам	1)	} шамбелланы.
Первый старец	2)	
Казначей	3)	
Поэт		
Отец-командир		Мажордом.
Философ		Герольд.

I

ХИЖИНА В ЛЕСУ

Лутоня, Лутониха, Слоняй (за сценой сту

Лутоня.

Кто там?

Слоняй (за сценой).

Добрый человек,пусти.

(Входит). Здесь в лесу сбился я с пути.

Глушь кругом, даже нет подчасков.

Обогрей, накорми, будь ласков.

Лутоня

Доложу милости твоей —

Ты в избе у простых людей.

Что дал бог — кушай вместе с нами.

Хоть изба не красна углами —

Пирогов нетути у нас:

Хлеб да квас — вот и весь сказ.

Лутониха.

Не взыщи на мужицкой речи:

Коль пришел, значит, издамече,

Отдохни, господин честной.
Мелет вздор муженек-ат мой.
Мы живем, как бог велел, примерно,
Разносолов нету — это верно...
Ну, а коли каша не претит,
Так садись — будешь пьян и сыт.

С л о н я й.

Очень много вам благодарен.

Л у т о н я.

Ничего, не серчай, брат-барин.
Ты привык в хоромах тожь, чай,
С сахаром в накладку пить чай,
А не то и с ренсковым ромом —
Как живут господа полным домом.
Ну, а здесь, барин, не взыщи:
Рому нет — днем с огнем ищи.

Л у т о н и х а.

Господин, прости! Мой медведь
День-деньской готов волчьи песни петь.
Уж послал мне бог мужичище!
Что твой поп — завистливы глазища.
Ведь облом — камаринский мужик
Мелет, благо, без костей язык.
Хаяльщик! Готов хоть солнце хаять.
Не на што — так хоть на месяц лаять,
Истинно: одну знал песню волк,
Перенял и ту мужичий толк.

Л у т о н я.

Нет, небось, по твоему, хоть плохо —
Не тужи, Лутонюшка, не охай!
— Не тужи — когда нам в диво хлеб,
А похлебку варим мы из щеп;
Квас-ат пьем, да квас же и хлебаем.
Хлеб до голых рук мы доедаем.
С топором в лесу ты в красный день
Знай — торчи, как обгорелый пень.
Будь еще, Лутоня, благодарен,
Что с трудов твоих жиреет барин,
Не жалей ни рук, ни плеч, ни ног,
Чтобы работал брюхом лежебок!

Л у т о н и х а.

Ой, Лутоня, как тебе не стыдно!
Господину слушать, чай, обидно.
Коли гостя к нам послал господь,
Так грешно-те всякий вздор молоть.
(Слоняю). Будьте гостем: примем вас, как можем.
Чай, и мы не камни тоже гложем,
А что мелет мой-то муженек —
С дуру-то, как с дубу — не в попрек.

С л о н я й.

Ты, любезный, думаешь, превратно.
Знатным вовсе жить не так приятно.
Мы несчастней бедных во сто раз.

Л у т о н я.

Вот те на!

С л о н я й.

Своя печаль у нас.

Л у т о н я.

Понимаем: не было, печали...

Л у т о н и х а.

Ой, Лутоня!

Л у т о н я.

Черти накачали!

Л у т о н и х а.

Ой, Лутоня!

Л у т о н я.

Барин-то шутник.

Тоже, значит, без костей язык.

Ха, ха, ха! Так мы счастливей?

С л о н я й.

Верно.

Л у т о н я.

Ха, ха, ха! Хотел бы я, примерно,

Чтоб свое, господское житье

Променял ты, значит, на мое.

С л о н я й.

Я согласен.

Л у т о н и х а (мужу).

Эка молвил сглупа.

Ты держись, вошь, своего тулупа!

Ты — своим добром, а мы — горбом.

(Слоняю) Полно, барин, ладно мы живем:

Знай сверчок...

Л у т о н я.

Молчи, когда нет смысла.

Бабий ум — что бабье коромысло.

Не кривому тут судить уму.

(Слоняю). Милость вашу сам я не пойму.

Будто вам взаправду надоело

День - деньской слоны слонять без дела?

С л о н я й.

Надоело — если говорят!

Чтож мне делать — я и сам не рад.

Надоел мне шум неугомонный.

(Сбрасывает с себя плащ и остается в шитом золотом кафтане).

Л у т о н и х а.

Батюшки!

Л у т о н я (ей).

Мотри: позолоченный!

ГРУППА РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

Сидят (слева направо): М. М. Стопановский, Д. Д. Минаев, Н. С. Курочкин, Н. Ломан (Гнут), Н. А. Степанов, В. С. Курочкин, Г. З. Елисеев и П. И. Вейнберг. Стоят: Н. В. Иевлев, художник Ролков, композитор А. С. Даргомыжский, В. Тоблин, гравёр Куренков и С. Н. Степанов.

С фотографии (1890 г.), хранящейся в Институте Новой Русской Литературы

С л о н я й.

Я хочу свободы наконец.
Рано утром бросил я дворец —
Даже стены в нем мне надоели —
Наудачу я пошел без цели,
Так себе, куда глядят глаза,
Загнала к тебе меня гроза —
Значит, так сама судьба решила —
Отдаю я все, что мне постыло,
Если уж угодно так судьбе,
Все мои владения — тебе,
Меч, кафтан, корону и кольчугу
За твои лохмотья и лачугу.

Л у т о н я (низко кланяясь).

Буду век тебя благословлять.

Л у т о н и х а.

Как тебя не знаю величать —
Господин — прынец.. ваше благородье —
Не модель, чтобы экие угоды
Отошли да за мужичью голь!
Сам умом раскинуть соизводи:
Рад ломить мужик-ат сиволопый
Не токма-што в прынцы, а хошь в папы, —
А послушай бабьяго ума —
Иногда премудрость в нем сама:
Ой! Трудна работа, тяжеленька,
Для того, чья рученька беленька!

С л о н я й.

Не боюсь я никаких трудов,
Целый день рубить дрова готов.
Самый тяжкий честный труд полезней
Праздности — болезни из болезней.
(к Лутоне) Веришь ли, с здоровым крепким сном
Десять лет как я уж не знаком.
Ерзаю напрасно на кровати...
Принимать уж стал chloral-hydrati.
Что ни с'ем — сейчас выходит вон,
Устрицы ем только да бульон,
Да и то без вкуса, без охоты.
С горя я и стал искать работы:
Труд придаст мне снова бодрый вид
И воротит сон и аппетит...
(С наслаждением) Как бы я кваску с работы попил!

Л у т о н и х а (спокойно).

Квас — ништо! Кисленек, жаль, да тепел.

С л о н я й (так же).

Черный хлеб фунтами стал бы есть...

Л у т о н я (так же).

Хлеб хорош, когда приварок есть.

С л о н я й (так же).

Попросту! посыпав крупной солью.

Лутониха.

Да, хлеб с солью да водица голью.

Слоняй.

Не пивал воды я никогда,
А ведь может чистая вода
Быть лекарством внутренним и внешним.

Лутониха.

Жаль, с душком вода в колодце здешнем.

Слоняй.

Повара и гастрономы врут.
Лучший соус и жаркое — труд.
(Лутоне) Ну? Идет? Твой труд, мое безделье.
Я вот здесь справляю новоселье.
Ты ступай сейчас же во дворец!

Лутониха.

Мой мужик-ат? Сохрани творец!
Господин-принц — величать не знаю —
Где ему уж? Наша хата с краю.
Лапотнику место во дворце —
Разве што на заднем на крыльце.

Лутоня.

Цыц! Твоя, Лутониха, дорога
Длинная — от печки до порога.
Нешто мне закажешь все пути?

Лутониха.

Я на ум хотела навести.

Лутоня.

Бабий ум! Я, чай, не с проходимцем
Говорю, а с господином-принцем.
(Слоняю) По рукам?

Лутониха.

Куды ты, лиходей!
Обожди смешить честных людей.
Принц-Лутоня! Спал ли ты сегодня?

Лутоня.

Коли воля такова господня —
Как же мы насупротив пойдем?
Царь Давид был тоже пастухом.

Лутониха.

То-то, принц — и с разума и с виду.
Приравнял себя к царю Давиду!
Царь Давид разбил народов тьмы...

Лутоня.

Обожди, управимся и мы!
Ведомость не в диво для Лутони.

Лутониха.

Ведомость?

Л у т о н я.

Под номером, в законе.
Кажный день выходит в ей картёж.
Мы читали...

Л у т о н и х а.

Ой, Лутоня, реши!

Л у т о н я.

Что мне врать? Небось, с дьячком читали.
Летось принцы в город наш в'езжали...

Л у т о н и х а.

Ну?

Л у т о н я.

Так мне дьячек и прочитал
И картёж и целермуренял,
Как ходить, как ездить с этикетой.
Я знаком с политикою этой.

Л у т о н и х а.

Ишь слова без разуму дались.
Выше носа нюхаешь — сморкнись!

Л у т о н я.

Цыц! Не пикнуть!

Л у т о н и х а.

Так и замолчала.

Л у т о н я.

Глупая, пойдем спервоначала
Во дворец-ат.

Л у т о н и х а.

Думала! Пойдем!

Л у т о н я.

Коли, значит, не итти вдвоем...

Л у т о н и х а.

Так нейдешь? Вот так то больше складу.

Л у т о н я.

Коли так — один на троне сяду!

С л о н я й.

Гей, Ясам! Иди сюда, Ясам.

Те же, Я с а м (входит).

Я с а м.

Ваше светлость, что угодно вам?

С л о н я й.

Объяви, немедля, всенародно,
Что сегодня мне благоугодно
Все дворцы, фруктовые сады,
С рыбами озера и пруды
И поля со всяким хлебом тоже
(Указывая на Лутоню)
Подарить вот этой глупой роже.
Такожде дарую: всех шутов,
Всех собак, квартальных и жрецов,
Прокуроров, адвокатов-пьявиц,
Все конюшни и тебя, мерзавец.
Понимаешь?

Я с а м.

Слушаю-с.

С л о н я й
Молчи!

Вот от всех дворцов моих ключи...

(Выбрасывает ключи и поворачивается к Лутоне, указывая на Ясана.)

Принц Лутоня! Эта вот скотина

Первого в моих владеньях чина,

Евнух, сводник, ростовщик и шут,

Первый визирь и первейший плут.

Он полезный человек, бывалый.

Воровство — порок в нем самый малый.

И за то угодно было нам,

То есть, мне, назвать его Я с а м,

То есть: с а м я. Действуя неправо,

Он во всем мне был рукою правой.

Бей его, но совещайся с ним,

И да будет он т о б о й с а м и м.

(Ясаму) Грабь, каналья, восемь дней в неделе.

(Махнув обоими руками)

Ну, идите к чорту! Надоели!

(Подходит к Лутонихе)

Ну, а ты, Лутониха, друг мой,

Остаешься, что ли, здесь со мной?

Поживем, потрудимся, потужим...

Л у т о н и х а.

Нет, зачем же? Я уж лучше с мужем,

Коль послал господь такую шаль...

Глупого-то вдвое больше жаль.

Л у т о н я.

Муж с женою, что вода с мукою.

Извините, принц, беспокою:

Как вас звать?

С л о н я й.

Я звался принц Слоняй.

Покорили предки этот край.

Он зовется «Не люблю — не слушай»

И лежит на мысе «Бей баклуши».

А теперь простой я дворянин.

Властелин на мысе ты один.

Восседай с достоинством на троне.

Честь тебе и слава, принц Лутоня!

II

ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня — в одежде принца на троне. Лутониха возле
него. Входят Я с а м, за ним ш а м б е л л а н ы

Л у т о н я.

Гей! Иди сюда, Ясам второй.

Я доволен, братец мой, тобой.

Мне пришла по голове корона.

Эка шапка! Первый сорт для трона.

Как на печке, в горнице тепло.
Пол-ат склизкий, что твое стекло.
Трон-ат мягкий. Диво ли, что в свете
Бой идет за роскоши за эти.

Л у т о н и х а.

Так-то мягок, что спала б весь день.
Тут и царством править, быдто б, лень.

Я с а м.

Ваша светлость! Время наступает
Выхода большого. Подобаает,
Чтоб супруга ваша в сей момент
Удалилась в свой апартамент.

Л у т о н я.

Отчего же, братец мой, без бабы?
И она, чай, посидеть могла бы.

Я с а м.

Ваша светлость, это этикет.

Л у т о н я.

Этикета? (жене) Так уйди, мой свет.

Я с а м.

Шамбелланы, подходите к трону.

(Лутоне)

Соизвольте, принц, надеть корону.

Л у т о н я.

И без шапки, братец мой, жара.
Я надену, как придет пора.

Я с а м.

Ваша светлость, не дано вам права
Этикета нарушать устава.

Л у т о н я.

Этикету? Ладно, коли так.

(Неловко надевает корону).

Помоги ж, осел, надеть колпак.

1-й ш а б е л л а н (тихо).

Кланяйся пред таким холопом!

2-й (тоже).

Остолоп, так смотрит остолопом.

3-й (тоже).

Из лесу, так срублен топором.

П о э т (тоже).

Мужичишко, дрянью дрянью, облом!

1-й (подходя к Лутоне, громко).

Ваша светлость, мудрый сын Минервы,
Вас почтить за долг почел я первый.

2-й (тоже).

Вашу светлость первый горячо
Лобызать осмелюсь я в плечо.

3-й (тоже).

К вашим туфлям, ваша светлость,
ныне
Приложусь я первый, как к святы-
не.

Поэт (тоже).

Первый я потомству и векам
Имя вашей светлости предаю.

(Поэт. играя на лире)

Суровым вечером палящее светило
За черной тучею на запад уходило;

На всю вселенную простерлась но-
чи мгла.

Но наша родина, как день, была
светла.

Мы ясно видели на дальнем небо-
склоне

Слиянье всех светил во образе
Лутоня.

Когда же с кесарской Лутонихи
звезда

Смежилась — се! зима исчезла без
следа!

Лутоня (в сторону).

Раскуси, поди-ка, в чем тут сила.
А умеет, леший, влезть без мыла,
В этикетке, нечего сказать.

Ясам (Лутоня).

Следует господ-дворян обнять.

Лутоня.

Поцелуй под носом — не в кармане.

(Шамбелланам).

Обоймемся, господа-дворяне!

Ясам.

В вашу честь сложивши свой куплет,
Перстия с бриллиантом ждет поэт.

Лутоня.

За вранье-то это бриллианты?
Дорогоньки при дворе таланты.

Ясам.

Принц, извольте помнить этикет.

Лутоня.

Этикету? (Поэту) Господин поэт,

Старый Капрал

Моя жизнь, родина, и дом...
Вечно! Не забывайте, друзья!
Пружина, милая... Проводите
Из отлучки безумный мой язык
В вашу отчину, в вашу, родина,
Ведь вы создали ее сама...
Вот так, окая, смущает сады!
Из калы, родина, яма! Ста!
Судья над нами!
Не забудь! Родина!
Родина! Ста! Ста! Ста!

Да, я люблю вас, друзья...
Моя жизнь, родина, и дом...
Старый Капрал, родина, и дом...
Дорогие мои, родина, и дом...
Вот так, окая, смущает сады!
Из калы, родина, яма! Ста!
Судья над нами!
Не забудь! Родина!
Родина! Ста! Ста! Ста!

СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. С. КУРОЧКИНА «СТАРЫЙ КАПРАЛ» (ПЕРЕВОД ИЗ БЕРАНЖЕ)

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

Получите! (дает перстень) Только уж оставьте!

Напередки других болванов славьте.

Те же, Старец и Казначей.

Казначей.

Суд и право!

Старец.

Прав Изидин суд!

Казначей.

Чорт седой! Долговолосый шут!

Старец.

Мерзкая лягушка из болота!

Адовы утроба и ворота!

Я сам.

Ваша светлость, это казначей

Бей не палкой, а копейкой бей,

С ним воюет, как вода и суша,

Первый старец в «Нелюбо не слушай».

Старец.

Первый старец — истинно, мой сын,
Небеса я ведаю один.

Жрец я Озириса, Сераписа,

С головой собачьей Анубиса,

Жрец Бубасты кошки, жрец быка

Аписа, Ра — солнца, Фты — жука,

Жрец мартышки — Гамадрилла, Сона,

Ибиса и мышцы Фараона.

Казначей.

Титулы-то все ли отхватал?

Принц, один мой титул — капитал,

Но он главный, в наши дни налоги

Платят все: народ, жрецы и боги.

Мы живем и веруем в кредит...

Ваша светлость, пусть же замолчит

Этот жрец кошачий и собачий.

Старец.

Несчастливец! Замолчи обаче!

Лутоня.

Помолчите оба, господа,

Коль хотите моего суда.

А то на-кось! лают, как собаки.

Чай пришли вы не к судье Шемяке!

Спорят, вздорят — леший разберет!

Говорите каждый в свой черед.

Старец.

Принц, извольте удалить от трона

Мерзкое исчадие Тифона.

К а з н а ч е й.

Принц, извольте выгнать из дворца
Допотопных выдумок жреца.

С т а р е ц.

Или я в отместку за обиды
Прокляну вас именем Изиды.

К а з н а ч е й.

Или я обиды не стерплю —
И казною печку затоплю!

Л у т о н я.

Рассудите, господа вельможи:
Ведь и мне не сладок выбор тоже.
Экие напасти с двух сторон:
Или проклят, или разорен!

О б а в м е с т е.

Или, принц, усугубленным мщеньем
Упадет проклятье с разореньем!

Л у т о н я.

Тьфу ты, леший! Вот и выбирай!
Стало быть, и во дворце не рай.

К а з н а ч е й.

Ваша светлость!

С т а р е ц.

Выслушай, мой сыне..

К а з н а ч е й.

Нынче утром...

С т а р е ц.

Сын мой, утром ныне...

К а з н а ч е й.

Во дворец с докладом я входил —
Вдруг ползет вот этот крокодил...

С т а р е ц.

У крыльца встречаюсь с этой харей —
Хуже нет ни в Хиве, ни в Бухаре.

К а з н а ч е й.

Принц, представьте: норовит вперед!

С т а р е ц.

Принц, представьте: первым так и прет!

К а з н а ч е й.

Лезет первый! Слышите ли: первый!

С т а р е ц.

И чтоб я шел сзади этой стервы!

К а з н а ч е й.

Или нет ни званий, ни чинов!

С т а р е ц.

Нет скотов священных, нет богов!

К а з н а ч е й.

Дисциплины, армии, закона!

С т а р е ц.

Озириса, Нейфы, Ихневмона!

К а з н а ч е й.

Принц, судите...

С т а р е ц.

Сын мой, в пять минут...

Рассуди.

К а з н а ч е й.

В минуту.

С т а р е ц.

Здесь!

К а з н а ч е й.

Вот тут!

Л у т о н я.

Первым делом, господа вельможи:

Перед принцем ссориться не гоже.

Здесь дворец, поймите — не кабак...

А второе: рассуждаю так:

Слушать вас и горе-то и смех-то!

Шли бы вы, как ходят вдоль пришепта

Рядышком, примерно муж с женой,

Хошь под ручку, хошь рука с рукой.

П о э т (играет на лире)

Се — сама премудрость, се — Минервин лик.

Се — сам Ибис — цапля, се — сам Апис-бык.

Буйные — изыде!

Кроткие, услышь:

Се речет к Изиде.

Фараона мышь.

Се — воссел на троне

С Нейфой Ихневмон —

Юный принц Лутоня,

Мудрый Соломон...

Ш а м б е л л а н ы.

Bravo! bis! (в сторону). Проклятый рифмоплет!

Я с а м.

Ваша светлость! Псалмопевец ждет

Поощренья, гения по мерке,

Золотой в алмазах табакерки.

Л у т о н я (дает табакерку).

Получите, господин поэт (вслед ему),

Коль уже стыда в глазищах нет.

(Старец и казначей в дверях).

К а з н а ч е й.

Становись же, что ли, моська, слева.

С т а р е ц.

Берегись священной цапли гнева!

К а з н а ч е й.

Берегись, чтоб я те не загнул.

С т а р е ц.

Нигилист! Разбойник! Караул!

К а з н а ч е й.

Вспомнишь, брат, и цаплю и аиста!

С т а р е ц.

Озирис! Спаси от нигилиста!

Л у т о н я.

Вы опять — кому быть впереди?

Сказанно: как муж с женой ходи.

С т а р е ц.

Сын мой, сам ты рассуди, нельзя же,
Чтоб нам честь была одна и та же.
Место справа подлежит жрецу,
Как почет духовному лицу.
Так велось в древнейшие эпохи,
При покойном...

К а з н а ч е й.

При царе Горохе.

В наши дни — прогресс и капитал.

Л у т о н я.

Эки черти! Чорт бы вас побрал!
Лысый пес дерется с кошкой чахлой!
Чтобы духом вашим здесь не пахло —
Слева, справа, разом с двух сторон —
С глаз моих, в одну секунду вон!

(Старец и казначей бегут и дерутся).

П о э т (играя на лире).

Се!

Страшен Лутоня в грозной красе!
Очи разверзнет — Кнуфовы очи
В день обращают мрачные ночи,
Склонит их долу — в сумрак ночей
Блеск претворяет солнца лучей.
Се! Трепещите! Се — в хаос и мрак
Мир повергает Кесаря зрак!¹

¹ В бумагах покойного В. С. Курочкина найден мною и другой вариант этой оды.
Се! Воспою Лутони гнев!
На трон для славы нашей сев,
Лутоня кротостью повит.
Когда ж в нем вспыхнет гнев, созрев,
Рыкает грозно он, как лев,
И прегрешивших не щадит.

Лутоня.

Ты опять? Пошел же вон отсюда,
Чортов сын!

Шамбелланы.

Вон гадина, паскуда!
Жук навозный! Прокаженный шут!
Вон отсюда, подлый дизоблюд!

(Бьют поэта палками и прогоняют).

Первый шамбеллан (Лутоне).

Ваша светлость поступили с тактом.
Просвещенный взгляд ваш этим фактом
Обнаружен. Выгнан негодяй...
Как терпел доселе принц Слоняй?
Расточал ему почет и ласки —
А за что? За то, что пел коляски,
Дрожки, упряжь, сбрую, лошадей...

2 - й.

От простого звания людей,
Как теперь зовут «меньшого брата»,
Что и ждатель-то окромя разврата?
Ваша светлость, честь и слава вам,
Что с позором изгнан подлый хам!

3 - й.

За версту несет от хама хамом.
Ваша светлость! Мудро в корне самом
Вывали траву дурную вон.
Лезет во дворец со всех сторон
Всякий неуч, лапотник, аршинник,
Целовальник, дровосек и блинник.

Лутоня.

Ну, уж это милость ваша врет —
Дровосек не трогает господ!

1 - й.

Ваша светлость о подобной дряни
Неприлично думать в вашем сане.
В городах еще туды-сюды
Не видать мужичьей бороды —
Хоть с немецким платьем все знакомы,
В деревнях так уже совсем обломы.

НА КАРИКАТУРЕ «КОНЦЕРТ БУДУЩЕЙ МУЗЫКИ В ПОЛЬЗУ ДОСТАТОЧНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ» ИЗОБРАЖЕНЫ:

Рядом с дирижирующим скелетом изображена группа журнала «Искра»: ее редактор Курочкин, карикатурист Н. Степанов и откупщик-меценат Кокорев, субсидировавший издание. Внизу в правом углу: трубач Некрасов, сидящий верхом на козле с бутылкой шампанского, барабанщик Утин и фэготист Усов. Центральную группу образуют: певец Бснедиктов, скрипач М. М. Достоевский, тромбонист Панаев, контрабасист Писемский. Слева критики Зотов и Серов, вооруженные гусиными перьями. Над ними в окне кассы Тургенев, один из учредителей «Общества». Рядом верхом на перьях поэты-переводчики Вейнберг (Гейве из Тамбова) и Ман.

КОНЦЕРТ БУДУЩЕЙ МУЗЫКИ. В ПОМОЩЬ НЕДОСТАТОЧНЫМ ЛИТЕРАТОРАМ

БАРИКАТУРА НА ЛИТЕРАТОРОВ И ЖУРНАЛИСТОВ 60-х ГГ., СДЕЛАННАЯ В СВЯЗИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ «ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ НЕДОСТАТОЧНЫМ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ».

С экземпляра, хранящегося в гравюрном кабинете Музея Изыячных Искусств

Л у т о н я.

Да мужик-ат поит-кормит вас!
Буде врать-то! Замолчать сейчас!
Первого, кто пикнет — так и двину.

Я с а м (удерживая его).

Ваша светлость сообразно чину...

Л у т о н я.

Так ты — первый? Ты? второй я сам?

Я с а м:

Этикет не возбраняет вам
Обучать придворных, но умненько,
Отчески, келейно, вежливенько.

Л у т о н я.

Вежливенько! Дуй тебя горой!
Да на кой ты чорт Я сам второй,
Коли с сердцем мне чинить по нраву
Не даешь, как следует, расправу!
То надень им шапку, на-поди!
То, как пень, на выставке сиди,
Награждай поэта-попрошайку
И не смей сажать с собой хозяйку;
Лысый бес грозит тебя проклясть,
Крюкотворец старый — обокрасть,
И грызутся словно быдто звери,
Что войти не могут разом в двери,
Тут придворных шелопаев сброд, —
Без стыда хулят простой народ:
— Мужичье; мол! хамы да обломы!
Благо сами заползли в хоромы!
Будет вам, ужо — мужик-облом!
Вон, каналья, из моих хором!
А не то возьму вот эту палку,
Да как всех пойду лупить в повалку,
Не щадя господских ваших спин!...

Ш а м б е л л а н ы (убегая).

Всех прибудешь — останешься один!

III

СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЦЕ

Л у т о н я, М а ж о р д о м, потом 1-й п у б л и -
ц и с т

Л у т о н я.

Ну их всех! Ушли! Теперь с охотки
Хорошо б маненько выпить водки!
Заморили с самого утра!
Чай, давно ужь полдничать пора!

(Мажордому).

Эй ты, милый человеке, живо!
Подавай закуску, водку, пиво —
Все, что есть в печи, на стол мечи!

Мажордом.

Ваша светлость, публицист...

Лутоня.

Молчи.

Мажордом.

Публицист пришел...

Лутоня.

Неси закуску!

Мажордом.

Он желает...

Лутоня.

Взять его в кутузку!

Мажордом.

Он с доносом...

Лутоня.

Засадить сейчас!

Мажордом (растворяя публицисту дверь).

Принц просить к себе изволят вас.

Лутоня.

Я сказал...

Мажордом.

При важности доноса

Без доклада входят и без спроса.

Лутоня.

Не донос мне нужен, а еда...

Мажордом.

Принц, донос важней всего всегда!

1-й публицист (входит).

Ваша светлость, первый я газетчик,

Тайных ков, подпольных смут разведчик.

Честь имею донести: поэт

Сочинил в стихах на вас памфлет.

Лутоня.

Давишний-то лазарь-попрошайка?

1-й публицист.

Вместе с ним дворян преступных шайка,

Удаленных ныне из дворца,

Против вашей светлости лица

Замышляя заговоры, ковы,

В бунт открытый перейти готовы!...

Лутоня.

В кандалы!

1-й публицист.

Принц, с ними казначей

«Бей не палкой, а копейкой бей»,

Овладев казенной вашей кассой,

Поставляет банде хлеб и мясо.

Лутоня.

Плут!

1-й публицист.

Он воплощал в себе кредит,
А кредит при деньгах не вредит,
А без денег только он и в силе.
Ваша светлость дурно поступили,
Выгнав казначея.

Лутоня.

Чорт ли в том!
Сам я крепок задним-ат умом.
Делать что — скажи.

1-й публицист.

Спасать основы.

Лутоня.

Ну?

1-й публицист.

Извольте, первым долгом, новый,
Для сего комиссию созвав,
Дисциплины начертать устав,
Разогнать, притиснув и прижав,
Подвижной правительства состав,
Так, чтобы, в соображение взяв
Званье, род, сословье, чин и нрав,
Не было б близ трона человека
Возрастом моложе полувека.

Лутоня.

Всех прогнать велишь мне? Так и сам
Убирайся вон, ко всем чертям!

(Лакеям).

Есть давайте! Их не переслушать!

Те же, 2-й публицист.

2-й публицист (входя).

Ваша светлость, не извольте кушать.
На коленях смею донести...

Лутоня.

Да вставай! Чего тут пол мести!

2-й публицист.

Ваша светлость, как официозный
Журналист, донос пространный, грозный,
Честь имею ныне преподнести.

Лутоня.

Леший, дьявол! Дай хоша поесть —
Или худо будет.

2-й публицист.

Будет худо,
Только, принц, дотроньтесь хоть до блюда.

Лутоня.

До тебя дотронусь — будешь худ!
Ребра все переломая, плут!

2-й публицист.

Принц, мы все, как под богом, под вами:
Розгами, нагайками, плетями,
Принц, казни — но выслушай вперед:
Не бери куска сегодня в рот!

Лутоня.

Да скажи хоть...

2-й публицист.

Умоляю снова:
Не касайтесь вовсе до с'естного.

Лутоня.

Об'ясни ж мне толком, наконец.

2-й публицист.

Ваша светлость, в древности мудрец
Прорицал, что украшает троны
Более, чем скиптры и короны
Добродетель, коей в наши дни
Ваша светлость служите одни.
Ибо, что мы ныне примечаем?
Патриарх, поставленный над краем,
В качестве оплота против зла —
Верное подобие козла
В огороде... то бишь в вертограде.

(Таинственно).

Я далек от мысли о награде,
Но шепну, спасая вас и край:
Первый старец — первый негодяй.

Лутоня.

Леший! Дьявол! Убирайся к чорту!
Есть хочу, а вместо ложки ко рту,
То и дело прынцу тычет в нос
Плут на плута пасквильный донос.
Эй! Давай обедать! Люди, черти!

2-й публицист.

Принц, рабу нижайшему поверьте:
Ваш обед отравлен.

Лутоня.

Что ты? Как?

2-й публицист.

В хлебе, супе, в соусе мышьяк.

Лутоня.

Кем отравлен? Где мой старший повар?

2-й публицист.

Старший повар — в кухне общий говор —
Буде не совсем еще издох,

Пролежит три дня без задних ног.
Первый старец чуть не четверть водки
Приобщил его бездонной глотке.

Л у т о н я.

Первый старец?

2 - й п у б л и ц и с т.

С пьяным вслед за сим
Обменялся платьем он своим
(Мрачно).

И под курткой поварскою белой,
Черный план пустил спокойно в дело.

Л у т о н я.

А чего смотрели повара,
Судомойки, прачки, кучера?

2 - й п у б л и ц и с т.

Вашу светлость, отравляя ядом,
Первый старец встал к прислуге задом.
А у старцев — кто-ж тут виноват?
С поварами одинакий зад.

Л у т о н я.

Черти все — и спереди и сзади —
В поварском, в господском ли наряде!
И с чего он?

2 - й п у б л и ц и с т.

Ваша светлость, он
Вами здесь глубоко оскорблен.
Неприлично старцу, хоть злодею,
Уступать дорогу казначею.

Л у т о н я.

Так за это отравляет, слышь,
Первый старец, прынца, словно мышь.
Ну, хорош молещик и предстатель!
Отравитель, изверг и предатель!
Я теперь, изволь-ка, голодай!
Удружил, спасибо принц Слоняй!
Ах, когда б заране знать да ведать!
Черти! Гей! Неси сейчас обедать!
Каково! И ухом не ведут
Господа лакеи. Где же плут,
Где Ясам второй, каналья первый?

2 - й п у б л и ц и с т.

Ваша светлость раздражите нервы
Понапрасну. Не придет Ясам.

Л у т о н я.

Он ушел?

2 - й п у б л и ц и с т.

По собственным делам.
Он хлопочет, чтобы в связи тесной
С вашею супругой жить совместно.

Лутоня.

Что ты врешь? С Лутонихой
моей?

2-й публицист.

Вожделеньем он сгорает к ней.

Лутоня.

И она с ним?

2-й публицист.

Утверждать не смею,
Что она с ним; он, однако, с нею.

Лутоня.

Значит...?!

2-й публицист.

Ваша светлость, виноват:
Принц Слоняй, однако, был ро-
гат.

Лутоня.

А! Так вот Ясам какого чина!
Захотела эта образина
Быть во всем, взаправду, мной самим!
Погоди же! Я расправлюсь с ним!

2-й публицист.

Принц, уж поздно.

Лутоня.

Поздно?

2-й публицист.

Тронуть вожжи
Кучер в полдень должен был — не позже.

Лутоня.

Он уехал?

2-й публицист.

С нею, не один —
Как у Гете, знаете? — *dahin!*

Лутоня.

Так чего ж ты мне точил балясы?

2-й публицист.

Первым делом, для спасенья расы,
Ваша светлость, чтобы принц был жив,
А второй и главный мой мотив:
Во внимание взяв, что зла прогресса
Ангел наш, Лутониha-принцесса,
Не избегла, чистая вполне —
Вымолить, чтоб ваша светлость мне
Подписали строчку... нет! не строчку....
(На коленях).

«РЕДАКТОРЫ ЖУРНАЛОВ ОТСАИВА-
ЮТ СВОИ СТАТЬИ»
Карикатура «Искры» 1882 г., № 32. Изображены:
на переднем плане Н. Некрасов, за ним
А. Краевский, В. Курочкин, С. Громека и
М. Достоевский

А к прогрессу точку — только точку!

Лу то н я.

Ах, ты, шут юродивый, шальной!

(Бьет его).

На, вот точка! На, вот с запятой!

(2-й публицист плачет).

Экой дурень! Присмирел, дружочек,

Мог бы я наставить много точек

На твоей, на глупой на спине —

Да дурак ты — значит, нужен мне.

Марш в погоню! Сядь на вороного!

(В догонку).

Да пришли хоть что-нибудь с'естного.

Те же, Отец-командир, потом Герольд

Отец-командир (входя).

Бить тревогу! Строиться в каре!

Лу то н я.

Что случилось?

Отец-командир.

Ружья на пере-

Вес! Равняйсь! Дирекция направо!

Арш!

Лу то н я.

Да кто он?

3-й публицист.

Наша честь и слава.

Командир всех наших войск.

Отец-командир.

На ру-

Ку!

3-й публицист.

Пришел, так значит не к добру.

Отец-командир.

Кладсь! Пли! Жай!

3-й публицист.

Страшится командира

Больше, чем в бою, во время мира.

Десять тысяч с лишком мусульман,

И пятнадцать тысяч душ крестьян!

Положил костями, своей рукою...

Ужь пришел, так с весточкой дурною

Отец-командир.

Стой-равняйсь!

Лу то н я.

Едва ль страшнее чорт!

3-й публицист.

Принц, извольте выслушать рапорт.

Отец-командир (рапортует).
Ваша светлость! Все благополучно
Обстоит. Сейчас собственноручно
Усмирять я буду у ворот
Пред дворцом собравшийся народ.

Лутоня.

Бунт?

3-й публицист.

Бунт?

Мажордом.

Бунт?

Отец-командир.

Так точно: бунт народный.
Просит хлеба всякий сброд голодный.

Лутоня.

Знамо дело: всякий хочет есть.

Отец-командир.
Как же смеют прямо к принцу лезть?
У! Мужланы! Покормить их мне бы!

Лутоня.

Хлеб родится для мирской потребности.
Я отец народу — не злодей.

Герольд (народу, в окно).
Принц пришлет горячих калачей!

Отец-командир.

Розгачей-бы!

Лутоня.

Что?

Отец-командир.

Я — сам с собою.

(Шум и волнение за сценой усиливаются).

Лутоня.

Что опять там?

Герольд.

Голосят гурьбою:
Пить хотят.

Лутоня.

И водка им нужна?

Герольд (в окно).
Принц велел вам выкатить вина!
(Шум еще усиливается).

Лутоня.

Что еще?

Герольд.

Гуторят: принц-надежа,
Очень плоха у нас одежда.

Л у т о н я.

Без одежды как же работать?
Дать одежду!

(Шум растет).

Что еще опять?

Г е р о л ь д.

Требуют для жен своих и дочек
Кринолинов, вышитых сорочек.

Л у т о н я.

Ну, ужь это милость ваша врет:
Этого не требует народ.

Г е р о л ь д.

Требуют для деток зимних кенег
И для светских развлечений денег.

Л у т о н я.

Что за притча! Вот народ чудной!

Г е р о л ь д.

Требуют театров всей толпой!

Л у т о н я.

Что для них, в шуты пойду я, што ли?
Накормил, одел — чего ж-им боле?

Г е р о л ь д.

Ваша светлость! К этому всему
Требует народ, чтоб вы ему
Отдали все атрибуты власти:
Меч, корону, скипетр.

Л у т о н я.

Вот напасти!

О т е ц-к о м а н д и р.

Молодцы-ребятушки, ура!
Дать урок горяченький пора
Либеральным принцам-демократам,
Лебезящим перед младшим братом!

Л у т о н я.

Это ты? Отец-то командир?

О т е ц-к о м а н д и р.

Ваша светлость: это мой мундир.
Есть такая басенка Крылова:
Не теряйте по пустому слова,
Там, где нужно власть употребить:
Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть ревут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы.

Л у т о н я.

Командир, не верен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь, да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Т е ж е, Ф и л о с о ф.

Ф и л о с о ф (входя).

Так вещает истина сама
Выводом Лутонина ума.
Истинно: народ есть основание
И за тем общественное зданье
Вертикально принимает вид
Хаосообразных пирамид,
Разделенных правильно и вечно
Как продольно, так и поперечно.

Л у т о н я (герольду).

Землемер он, што ли, аль из тех,
Что, вон, строят?

Г е р о л ь д.

Принц, он выше всех.

К построеньям лишь в пространстве склонен.
Он мудрец египетский — Астронин.
Астра — солнце. Нин. — должно быть Нин
По-халдейски значит: г р а ж д а н и н.
Он в Египте снял покров с Изиды,
Изучив на месте пирамиды.

Л у т о н я (философу)

Что ж нам делать, господин мудрец?

Ф и л о с о ф.

Совместить начало и конец —
Разделить хаос на два хаоса.
Вот одно решение вопроса
В области динамики — и два,
Обратимся к статике едва.
Ибо мы, пирамиду строя
Для движенья, можем для покоя
Начертать горизонтально круг.
Этот круг, с пирамидой сам друг,
В конусе — дает прогресс с застоем

Л у т о н я.

Да народ, ах как мы успокоим?

Ф и л о с о ф.

Стоит только, чтоб смирить народ,
Конусу дать должный оборот,
Ибо в нем совмещена двоякость...

Л у т о н я (в сторону).

Хоть бы слово понял — эка пакость!

Ф и л о с о ф.

В конусе — движенье и покой.
А закон один, весьма простой,
Аналогий единиц и множеств,
Всех иножеств, тождеств и такождеств,
Всех времен, народностей, систем,
Государств центральных — и затем
Диоцезов, графств, провинций, штатов,
Префектур, кантонов, комитатов,

Округов, сатрапий, фил и триб —
 Для людей, животных, птиц, для рыб,
 Для червей, амфибий и полипов, —
 Для отдельных особей и типов,
 На земле — сдается даже мне —
 На других планетах: на луне,
 На Сатурне, Марсе, на Венере —
 С разницей в диаметре, в размере,
 Но закон движения один:
 Пирамида — или, проще: клин —
 Клин за клином...

Л у т о н я.

Выбивать клин клином,
 Что ли?

Ф и л о с о ф.

Нет. Но в хаосе едином,
 Разделенном на два — чтобы вдруг
 Не упал пирамидальный круг,
 Но вращался круглой пирамидой,
 Под надежной вашей эгидой,
 Чтобы, стоя, двигался народ —
 Надлежит к стремящимся вперед,
 Следуя примеру мудрых наций,
 Применить закон экскорпораций.
 Кто вперед — сейчас из ряду вон!
 Реактивной акции закон
 Не щадит для смелых построений
 Областей и целых поколений.

(Восторженно).

Принц Лутоня! Вы — прогресса ось.
 Государство — конус, как ни брось
 Кверху ль, книзу ль — будет в каждом виде
 В круге — центр, вершина — в пирамиде.
 Ваша светлость! Пусть же весь народ
 Вокруг вас завертится вперед.

Л у т о н я (в сторону, размышляя)

Я не понял...

Ф и л о с о ф (в сторону)

Я польстил не дурно.

Вслух) Принц!... И то сказал я не цензурно.

(Гордо).

Но я тем потомству буду мил,
 Что с улыбкой правду говорил.

Те же, три публициста.

1-й

Принц!

2-й

Принц!

3-й

Принц!

Л у т о н я .

Вы что еще, уроды?

1-й

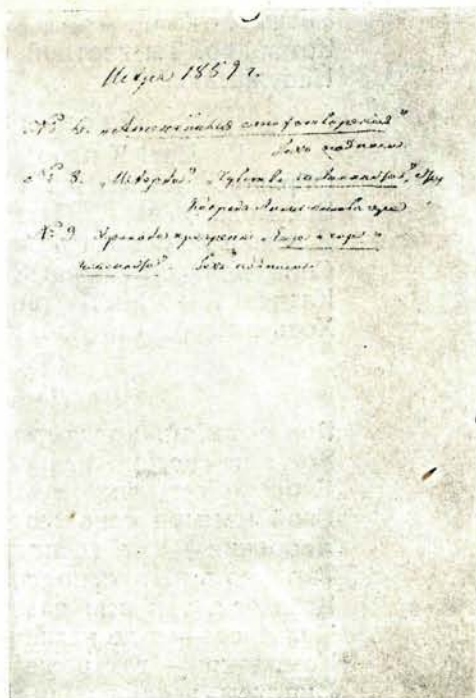
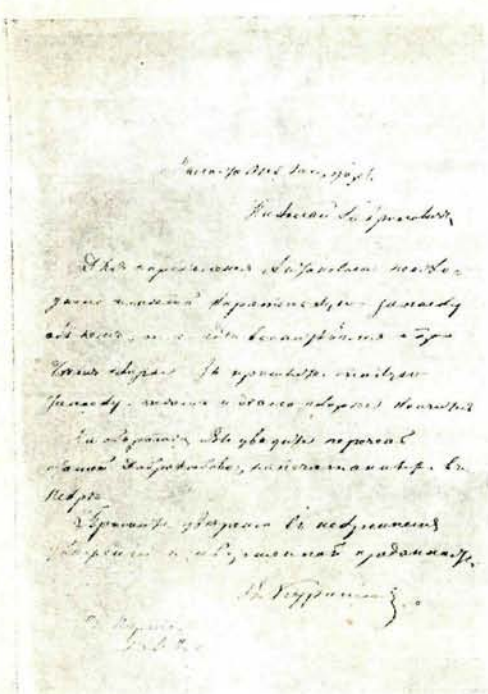
Государь...

2-й

Все выходы...

3-й

Все входы...

ПИСЬМО В. С. КУРОЧКИНА К Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ ОТ 5 МАРТА 1862 ГОДА. НА ОБОРОТЕ ПИСЬМА ДАН ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ Н. А. ДОБРΟЛЮБОВА, НАПЕЧАТАННЫХ В «ИСКРЕ»

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

1-й

Заняты...

2-й

С рогагиной...

3-й

С дубьем...

Л у т о н я (гневно филологу).

Это ты морочил здесь враньем!!

Чорт!

Ф и л о с о ф (спокойно).

Нет, принц. Есть в конусе текучесть,

Государств решающая учеть;

Все равно: тиран, народ, падач —

Сильным будь — задача всех задач!

Л у т о н я.

Замолчи!

Ф и л о с о ф (продолжает).

Сословных, уголовных
И — тем паче — конусо-верховных!

Л у т о н я (замахиваясь).

Я тебя!...

(Философ убегает).

Воистину мудрец —

Убежал. (К отцу командира). Ну, выручай, отец-
Командир. Ты глоткой, что картечью,
Напужаешь...

О т е ц - к о м а н д и р.

Нет! К народу с речью

Обращусь теперь я... Так и так...

Вы, мол... Я, мол... Я ведь не дурак.

Я ведь храбр и в голове и в тыле.

Силы долг повиноваться силе.

Кладсь! Пли! Жай! Три темпа. Тот же счет,

Хоть в народ стреляй, хоть за народ.

(Уходит, смеясь).

Л у т о н я.

Бог с тобой, когда такой суровый!

Вот они спасают как основы!

Сколько есть их, каждый свой живот,

Свой маммон основою зовет.

Дворянин — так, господи, ты веси,

Сколько в нем господской этой спеси!

Казначей, так всю казну своей

Полагает — я-де казначей!

Командир — так роже богомерзкой

Нипочем, потехи ради зверской,

Сокрушить все царство, весь народ.

Кто тут гаже — чорт их разберет!

Да еще недоставало сраму —

И жена достанется Ясаму!

Ну их всех! Юродивый мудрец

Прокаженный лазарь, первый жрец —

Отравитель, изверг! Эки страсти!

Дай бог ноги! Не хочу и власти!

Тот же лес, что наш сосновый бор —

Так домой, Лутоня, за топор!

IV

ОТДЕЛЬНАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЕ

Л у т о н я (один).

Нет тебя, Лутониха, со мною!

Некого мне звать теперь женою.

Заливаюсь я потоком слез,

Хошь бы ветер весточку принес

Хошь бы птичка мне прощebetала,
Где моя голубка запропала!
Чуяла ты ноне поутру,
Что дурить я вздумал не к добру,
Говорила, что не будет ладу.
Я сказал: один на троне сяду!
Истинно: один на троне сел —
И жену и царство проглядел!
Без тебя, желанная, Лутоне
Счастья нет, хоть в золотой короне,
И как перст, весь век свой одиноч,
Буду лить горячих слез поток.

Лутоня, Мажордом.

Мажордом.

Ваша светлость...

Лутоня.

Буде врать, любезный!
Титулы мне ноне бесполезны.
Ваш дворец мне, как тюрьма, постыл...
Я — Лутоня, как и прежде был.

Мажордом.

Принц, толпа народа завладела
Всем дворцом...

Лутоня.

Так что ж, голубчик? Дело!
Пусть его хоть свалит, хоть сожжет.

Мажордом.

Депутата к вам прислал народ.

Лутоня.

Милый мой! Пушай без депутата
Все возьмут. Что взято, то и свято.

Мажордом.

Ваша светлость, вот и депутат.

Лутоня, Слоняй.

Слоняй.

Принц, извольте выслушать доклад.

Лутоня.

Принц Слоняй?

Слоняй.

Так точно, принц, мне лестно,
Что моя фамилья вам известна.

Лутоня.

Что за чорт!

Слоняй.

Там чорт или не чорт —
А короток будет мой рапорт.
Ваша светлость, я с дурною вестью.
Вон отсюда! Принц, вас просят честью.

Лутоня.

Я с охотой...

Слоняй.

Ну, мой друг, прощай!

Лутоня.

Что за притча! Господин Слоняй —
Вы-то как здесь?

Слоняй.

Я начальник в банде.

Все восстанье по моей команде.

Лутоня.

От часу не легче! Да к чему
Бунтовать вам было — не пойму.

Слоняй.

Чтобы трон свой возвратить — хоть силой.

Лутоня.

Да вольно ж его бросать вам было!

Слоняй.

Отвечай невеждам, мужикам!
Бросил сам — и возвращаю сам!
Хоть во мне мочалки, а не нервы —
В государстве все-таки я первый!
Принцем был, так принцем и умру.
Сам в хандре — и всех вгоню в хандру.
Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь все обоянье трона.
Нет уж в лес вперед не побегу.
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом,
Сделаю все царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад крошечный...

Лутоня.

Ну тебя! Угомонись, сердешный!

Это ли тебе еще не ад?

Я уйду — ведь я и сам не рад.

НА КАРИКАТУРЕ «КОНЦЕРТ РУССКОЙ ПЕЧАТИ» ИЗОБРАЖЕНЫ:

В среднем ряду, крайний справа министр внутренних дел П. А. Валуев с камертоном в руке. Рядом него В. А. Цез в роли капельмейстера. Далее: В. Р. Зотов с шарманкой, наверху которой выскакивают танцующие куклы (жур. «Иллюстрация»); А. А. Краевский в роли певца (гав. «Голос»), П. С. Усов с муз. ящиком («Северная пчела»); Н. А. Некрасов с гитарой («Современник»), Г. Е. Влагосветлов с гармонией («Русское слово»), А. Ф. Писемский с бубном («Библиотека для чтения»), И. С. Аксаков с балалайкой («День»), М. Н. Катков с вольнойкой («Русский вестник») и «Московские ведомости»), Н. Писаревский со свирелью («Современное слово»); за ним Капельман с корнет-а-пистоном («Современный человек»); ниже Н. Ф. Павлов с лирой («Наше время»), Трубников с костяшками («Биржевые ведомости»), В. Ф. Корш с трубой («Спб. ведомости»). Внизу, с листом «Очерков» официальный их редактор А. Н. Очкин, выезжающий верхом на негласном редакторе Г. С. Елисееве; В. С. Курочкин, играющий на пимбалах («Искра»); П. К. Меньков — на барабане («Военный сборник»); гр. Соллогуб в тарантасике («Народное богатство»), играет на треугольнике, — везет тарантасик Вернадский; А. Асочевский («Домашняя беседа») в веригах и с костью в руках, в виде юродивого, собирает подаяние. Н. Н. Страхов (Косица), перебирающий струны гуслей («Время»), М. Розенгейм с погремушками верхом на дервянной лошадке («Заноза»), Ротчев с колоутинкой («Полицейские ведомости»), И. А. Гончаров зевая играющий на виолончели (официозная «Северная почта»), Илья Арсеньев с гобоєм (политич. отдел «Сев. почты») и редактор «Русского инвалида» с барабаном. На самом верху: надтреснутый и с ослабевшей веревкой колокол («Колокол» Герцена); посередине, с распростертыми руками — А. Г. Петров, председатель Петербургского цензурного комитета, около него умеривший концертантов цензор А. В. Никитин и В. Н. Векетов. В углу — Россия на троне, затыкающая себе уши.

«КОНЦЕРТ РУССКОЙ ПЕЧАТИ»

Карикатура П. Бореля на литераторов и журналистов 60-х гг.
С экземпляра, хранящегося в гравюрном кабинете Музея Изящных Искусств

С л о н я й.

А ты думал, мы живем здесь праздно,
 День за днем, как вы — однообразно?
 Намотай себе на бороде:
 Праздность — там, у вас, в лесу, в труде!
 Здесь — борьба и вечное движение.

Л у т о н я.

Что ни день — то светопреставленье.

С л о н я й.

Самолюбие, гордость, зависть, честь
 Не дают ни спать, ни пить, ни есть.
 Здесь, в броне законов и приличий,
 Вечное стремленье за добычей.
 Здесь не сеют люди и не жнут,
 Но чужой, готовый, кровный труд
 Превращают для себя, как маги,
 В акции, процентные бумаги.
 Ваш разврат, невежество, запой
 Обирают жадною рукой
 И дают патент статей доходных
 Фурие всех ужасов народных, —
 И ты думал — стану я бросать
 Для тебя такую благодать?
 Именем одним своим в народе
 Ты внушал уж мысли о свободе,
 В честь твою уж пьянствовал народ.
 Я созвал, немедля, всякий сброд,
 Встал, прямым Слоняем, перед фрунтом
 И, как видишь, кончил дело бунтом.

Л у т о н я.

Ну, конец, так, стало быть, конец!
 Ваша светлость, будь родной отец —
 Объяви, немедля, всенародно,
 Что я помер, что тебе угодно...
 Отпусти, отец, меня домой...

С л о н я й.

Отчего ж? Остайся здесь со мной!
 Человек ты честный, судишь здраво,
 Хочешь быть моей рукою правой?
 Вознесу тебя, озолочу...

Л у т о н я.

Нет уж, ваша светлость, не хочу,
 Ни чинов, ни денег, ни почета.
 У меня теперь одна забота:
 Снизойди на просьбицу одну —
 Повели сыскать мою жену.
 Охрани — спаси ее от срама.

С л о н я й.

Будь спокоен, я сыскал Ясама.
 И лишаю этого скота
 Всех чинов, всех прав — и живота.
 (Указывая на входящую Лутонию)
 А тебя — с женой соединяю.

Л у т о н я .

Слава принцу — батюшке Слоняю!

Л у т о н и х а .

Ну, прощай, да помни, принц Слоняй:

Слов пустых, слоняясь, не роняй.

А веди-ка ты себя пристойно:

Верь мне — будешь жить и спать спокойно!

(Обращаясь к публике).

А теперь, честные господа,

Ожидаем вашего суда:

Здесь театр, мы куклы — а не люди.

Так уж строго не взыщите, буде

Кое слово брошено на глум,

Не равен час — упадет и в ум.

ЗАБЫТАЯ САТИРА КУРОЧКИНА

Совершающаяся в наше время переоценка литературного наследия вскрывает со всей наглядностью классовый характер критики и литературоведения. Жрецы «науки» нарочито замалчивали — если только имели к тому малейшую возможность — те произведения, которые им невыгодно было популяризовать. Вот такой же участи и подверглась агитационная комедия В. Курочкина «Принц Лутоня». Симптоматично, что никто из писавших о Курочкине не касался «Лутони». Ни звука нету об этой революционной пьесе ни в книге Амфитеатрова «Забытый смех», ни у Скабичевского, ни у Венгерова, ни у Михайловского, ни у Владиславева, ни у Лемке, ни в обемистой «Истории русской литературы» XIX в. под редак. Д. Овсяннико-Куликовского, ни у Соловьева-Андреевича, ни у Н. Энгельгардта, ни у Боборыкина, П. Быкова, И. Ясинского, ни у др. мемуаристов, критиков, библиографов, историков литературы, касавшихся деятельности Курочкина. Еще более удивительно, что ту же традицию продолжает советская «Литературная энциклопедия», (том V, В. Курочкин). Наконец, только что появившаяся книга Г. Лелевича «Поэзия революционных разночинцев» (ГИХЛ, 1931), содержащая отдельную главу о Курочкине, ни одним словом не упоминает «Принца Лутоню»¹.

Игнорирование «Принца Лутони» и извращение Лелевичем творческого облика Курочкина не случайно. Оно стоит в органической связи со всей концепцией книги Лелевича, — концепцией антиленинской, базирующейся на меньшевистски-троцкистском понимании вопросов литературы. Отсюда апологетическое отношение к Плехановскому наследию, продолжателем худших ошибок которого выступает Г. Лелевич. Так например, поставивши в центре своей книги фигуру Некрасова, Лелевич пишет буквально следующее: «Классическую марксистскую характеристику Некрасова дал Г. В. Плеханов в своей знаменитой статье» (стр. 14). Но упомянутая статья Плеханова о Некрасове «классична» и «знаменита» именно меньшевистской трактовкой народничества. Книжка Лелевича в целом является открытым выступлением против марксистско-ленинского литературоведения.

Игнорирование «Лутони» ведет к серьезным результатам и совершенно искажает облик поэта, потому что именно в «Лутоне» поэт наиболее характерен, именно здесь наиболее выпукло сказывается классовое самосознание и самутверждение тех общественных групп, от имени коих говорил поэт. Курочкина надлежит оценивать с точки зрения движущих сил революционного движения 60-х и 70-х годов. Тогда станут ясны его классовые позиции, а эти последние наиболее четко формулированы в «Принце Лутоне». В «Лутоне» ошутимо звучит призыв к революционному действию, к мятежу и бунту. «Принц Лутоня» дает лозунг захвата власти обездоленной беднотой.

Сам Лутоня — не кто иной, как представитель пауперизированного пореформенного крестьянства. «Крестьян освобождали в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли на свободу, ободренные до нищеты»². Слово Лутоня и обозначает ободранный до нищеты, таково его смысловое содержание. Имя Лутоня в святцах не значится, и Курочкиным оно взято не зря. Лутуха —

¹ Это тем более странно, что «Принц Лутоня» не забыт в библиографическом указателе А. Мезиер.

² Ленин, т. XI, ч. 2, стр. 220, изд. 1-е.

сообщает Даль, — липка, с которой содрано лыко. Лутощный — это значит: тощий, сухой. См. пословицу: гол, как лутощка. Лутощить — драть, хлестать кого. И еще имеется смысл у того же корня: лутощливый, значит сметливый. Ободраный до нищеты, битый, голый Лутоня — фигура, достаточно знакомая во времена царизма. Курочкин хотел бы видеть эту фигуру достаточно сознательной, сметливой, лутощливой. Революционное сознание масс представляется поэту необходимым условием революции, а революция рисовалась ему в виде массового восстания бедноты. Все это прошло мимо Г. Лелевича и привело его к кричаще-ошибочным заключениям.

В «Лутоне» Курочкин показывает в крестьянской бедноте те живые общественные силы, которые способны на революционное действие. Таким образом, Курочкин оказался дальновиднее тех, кто много времени спустя еще считал интеллигенцию единственной силой революции. Разумеется, революционность Курочкина это — революционность буржуазно-крестьянской демократии в России. Курочкин стоял за революционный путь, за решительное уничтожение всех крепостнических остатков, за тот путь буржуазного развития, который назван был Лениным «американским путем». В активной борьбе за «прусский» или «американский» путь развития Курочкин занял позицию революционно-крестьянской демократии. Вот почему его облик стал столь ненавистным всем представителям и защитникам «прусской» ориентации, всем либеральным критикам, публицистам, литературоведам и пр. и т. п. И естественно, что наибольшее раздражение в либеральном лагере должен был вызвать «Принц Лутоня».

«Принц Лутоня» впервые появился в малоизвестном журнале «Слово» за 1880 г., № 12. Случилось так, что пьеса выпала из поля зрения всех тех, кто писал о Курочкине. Между тем «Принц Лутоня» — одно из значительнейших творений не только в составе литературного наследия В. С. Курочкина, но и во всей художественной продукции 60-х гг. Интерес «Лутони» совсем особенный. Пьеска эта относится к той отрасли творчества, которую всегда практиковали, когда имели в виду агитационное воздействие на широкие массы. Несколько лет спустя по тому же пути пошла А. П. Барыкова («Царь Ахреян»); к тому же жанру относятся и «Федорущка» (приписывается А. К. Толстому), и революционные сказки, песни, былины неизвестных авторов из «Земли и Воли», «Народной Воли» и др. Позднее в том же стиле писал С. А. Басов-Верхоянцев («Конек-скакунок») и др.

И вот, соблюдая справедливость, надо сказать, что Курочкин опередил в этом смысле многих и многих: и авторов народнических агиток, и Барыкову, и Басова-Верхоянцева и многих других. Все они писали сказки, агитационные песни, поэмы и пр. Курочкин же сделал опыт применения самого актуального агитационного жанра, именно: жанра драматического лубка, кукольного театра-петрушки.

Курочкин воспользовался приемами народного кукольного театра, насытив его агитационным содержанием высокой социальной значимости. Для этого он прежде всего выбросил из состава кукол надоевших всем персонажей — этот традиционный хлам: цыгана, бабу-ягу, глупого чорта и т. п. Правда, Курочкин оставил в числе действующих лиц мужика. Но мужик оставлен для целей совсем особенных.

«Лутоню» напечатал Николай Степанович Курочкин, старший брат поэта, как об этом сообщается в предисловии к пьесе. В предисловии он уверяет, что «Лутоня» — самая-де невинная шутка, и если она не могла быть напечатана при жизни Василия Степановича, то лишь потому, что всякий пустячок превращался «в глазах подозрительной цензуры в какую-то предумышленную проповедь». И далее, нарочито лстя цензуре, Николай Степанович пишет, как он-де счастлив, что те времена прошли. Так лукавый литератор воспользовался либеральными послаблениями эпохи «диктатуры сердца», чтобы протащить в печать агитационную пьеску своего высокоодаренного брата.

С первых же строк сообщается для сведения бдительной цензуры, что «Принц Лутоня» заимствован из вышедшей в 1871 г. книжки «Théâtre des marionnettes par Marc Monnier» и в подлиннике носит название Le roi Babolein. Le roi Babolein как сатира, дескать, не имеет непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключает в себе никаких политических намеков... Глупый цензор пошел на удочку и попался, как нельзя более удачно. Он, видимо, не удосужился заглянуть в названную книгу Марка Монье, а ежели смотрел ее, то смотрел очень поверхностно. А суть в том, что оригинал Монье тоже сделал достаточно хитро и тоже рассчитал на обход бдительного ока. Братья Курочкины уверяют, будто сцены Марка Монье чужды политического смысла и не содержат никаких социальных намеков. При этом они ссылаются на предисловие Виктора Шербюлье. Но они благоразумно умалчивают о послесловии. А между тем таковое имеется — очень коротенькое послесловие, набранное петитом, — и в нем значится, что пьесы Монье не могли быть напечатаны во Франции, так как в них легко были разгаданы политические сатиры на императора и на императорский режим; что сатиры по этой причине пришлось печатать в Женеве, в Берне, в Невшателе, но только не на родине, так как там они немедленно арестовывались.

Терестраховав себя всесторонними оговорками, Курочкин представил под обликом иностранного кукольного балагана чисто российские взаимоотношения. Сравнивая оригинальный текст Монье с переделкою Курочкина, мы убеждаемся, что поэт обнаружил огромное искусство, сумев в подцензурном тексте дать не только сатиру на политический режим царизма, но и высказать положение, что массы могут притти к власти лишь путем восстания. Когда мятежные толпы врываются во дворец, ликующий Лутоня возглашает: «Все возьмут! Что взято, то и свято!» И эта фраза гремит, как боевой клич.

Надо сказать, что финал пьесы звучит несколько неожиданно: в нем исчезает боевой дух, коим дышит все произведение в целом. Чем объяснить такое явление? А вот чем: «Принц Лутоня» напечатан не в том виде, как был написан. «К сожалению, — вспоминает Засодимский, — Николай Курочкин, смягчая окончание этой пьески, значительно изменил ее к худшему. Где в настоящее время находится подлинник «Лутоня», мне неизвестно» (см. П. Засодимский. Из воспоминаний. Москва. 1908). Николай Курочкин, видимо, старался смягчить финал «Лутоня» с тою целью, чтобы напечатанию пьесы не препятствовала цензура; больше ничем нельзя объяснить переделку: Николай Степанович слишком высоко ставил дарование своего брата, чтобы беспринципно кромсать его творения.

Состав действующих лиц пьесы охватывает основные социальные слои. Здесь представлены хозяева режима, их верные слуги и эксплуатируемые массы. Из перечня персонажей не сразу уяснешь себе, кто такой, например, Первый старец. В оригинале, у Монье, он называется патриархом, т. е. главою церкви. В пьесе Курочкина функция его та же, как об этом свидетельствует его речь и встречные реплики. Наконец, для недогадливого читателя Первый старец назван в разных местах модельщиком, жрецом и предстателем. Достопримечательно, что в лице Первого старца подвергается осуждению и осмеянию именно высшее духовенство, т. е. те слои церкви, авторитет которых особенно бдительно охранялся.

Совсем неизвестное в русском обиходе слово шамбеллан должно означать крупнейшие придворные чины, высшее дворянство. Естественно, что в условиях самодержавия автор сатиры должен был соблюдать сугубую осторожность, если хотел проскочить сквозь рогатки цензуры. И все же поэтом сказано главное: шамбеллан суется на то, что «Лезет во дворец со всех сторон всякий неуч, лапотник, аршинник, целовальник...» Буржуазные реформы 60-х гг., открывшие широко двери промышленному капитализму и ущемлявшие интересы крепостников, вызвали брызгливое ворчание «благородного» дворянства.

Какие классы представлены Казначеем, об этом довольно недвусмысленно заявляет Ясам, рекомендуя его сферу деятельности так: «Бей не палкой, а копейкой бей». Да и сам Казначей не позволяет сомневаться насчет своей функции и довольно властно заявляет трону: «Принц, один мой титул — капитал, но он главный... Мы живем и веруем в кредит...» А когда корона продолжает еще упираться, представитель капитала грозит уже прямым разорением.

Весьма недвусмысленную характеристику получает глава правительства, Ясам. Вся соль референции заключается в том, что характеристика Ясаса отражает качество самого царя, аннулируя легенду о «добрых царях» и неправедных министрах. Еще ярче выявляется истинная физиономия дворянского монарха и его волчья натура в заключительном монологе «Отвечай невеждам, мужикам». В самозабвенном упоении властью, после того как прирак революции минул, царь вопит: «Захочу — все города сожгу. Захочу, так с нынешним прогрессом сделаю все царство темным лесом... Сделаю из царства ад кромешный...» В условиях неприкрытой реакции приведенная речь весьма симптоматична.

Военщина олицетворена у Монье в характерной фигуре Капитана. Курочкин перелицевал Капитана в «Отца-командира» и дал замечательно рельефный, незабываемый персонаж солдафона, усмирителя «внутреннего врага».

Представители идеологии — философы, поэты, газетчики — пересажены Курочкиным на российскую почву с немалым успехом. Казенная публицистика Катковых («Московские ведомости»), Павловых («Наше время»), Скарятинных («Весть»), изверские доносы Аскоческих («Домашняя беседа»); ультра-патриотические словесия казенных псалмопевцев-поэтов вроде Аполлона Майкова, П. Вяземского и Н. Щербины; социальная «философия» П. Юркевича, Н. Миллер-Красковского, Н. Страхова и пр. обскурантов, — все это запечатлено в сатирических строфах, посвященных Курочкиным выведенным в «Лутоне» Публицистам, Поэту и Философу.

Может быть, найдутся охотники видеть в художественно-сатирических персонажах «Принца Лутоня» определенных исторических лиц, т. е. — в «Отце-командире» будут искать характерные черты, скажем, Муравьева-вешателя, в Первом старце — того или иного мракобеса церкви и т. п. Нечто подобное пытался сделать в отношении курочкинских стихов А. Амфитеатров. Так, в книге «Забывтый смех» он во всех без исключения случаях тщится расшифровать подлинных лиц (торговцы, бюрократы, издатели и пр.), против которых будто бы направлено то или иное стихотворение, то или другая сатира. Но подобные ссылки не только

бесполезны: они вредны. Они снижают высокую социальную значимость сатиры до уровня поденки¹.

Мы еще не коснулись главного персонажа пьесы — мужичка Лутони. Лутоня начинен, как патрон, взрывчатыми материалами, и Курочкин дает возможность Лутоне высказаться. Лутоня — беднейший, пауперизованный крестьянин, безземельный и эксплуатируемый, вынужденный взяться за самый тяжелый вид отхожего промысла. Лутоня протестует против «прусского» метода буржуазного реформаторства. «Буржуазин выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих» (Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 330, изд. 1-е). Курочкин устами Лутони сражается именно за революционную самостоятельность и энергию простонародья, т. е. крестьянства и рабочих. Вот в чем смысл «Принца Лутони», помимо того, что пьеса являет образец замечательной сатиры на помещичье-буржуазный строй царской России конца 60-х, начала 70-х гг.

Но вот что интересно: этою пьесою не ограничивается литературное наследие Курочкина. В. В. Чуйко сообщает: «За два или за три года до смерти, среди все более и более увеличивавшейся нужды, он (Курочкин) затеял целый ряд юмористических пьес на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы с неподдельным простонародным юмором. Он успел написать несколько таких маленьких пьес... Пьески мне читал сам покойный Василий Степанович... Все эти пьески останутся до сих пор в рукописи... Чрезвычайно жаль, что до сих пор они не могли быть напечатаны» (В. В. Чуйко. Современная русская поэзия. СПб. 1885). Сведения о чтении драмминимум и о самих драмах чрезвычайно скудные и смутные. Внимания к ним не было. Нигде и никогда о них не вспоминалось. Было бы весьма печально, если бы они так и остались необнаруженными.

Чем можно объяснить столь пренебрежительное отношение к архиву выдающегося поэта? В самом деле: архивисты и всяческие литературные копуги обшарили все щели второстепенных и третьестепенных дворянских писателей. Извлечены из недр всяческих хранилищ письма, записки, варианты и разночтения таких лиц, которыми интересуются десятки или сотни специалистов. А вот архив первоклассного поэта революционной демократии пребывает в забвении. Литературы о Курочкине не много. Да и то, что написано, не дает полного представления об этом замечательном поэте-публицисте. Василий Степанович Курочкин — выдающийся поэт 60-х гг. В его стихах ошутительно звучат лозунги великих демократов-шестидесятников. Творчество его насыщено протестом против деспотизма помещичьего государства и против феодальной эксплуатации. Курочкин — непримиримый враг соглашательского российского либерализма. Классово-заостренный стих поэта сражался против дворянского литературного канона, за новые демократические формы, за литературу, рассчитанную на широкие массы. Курочкин является основоположником нашего газетного стихотворного фельетона. Он первый в России поэт-газетчик, носитель жанра публицистической поэзии, фельетонист, пародист, памфлетист, сатирик, агитатор, пропагандист, редактор самого популярного сатирического журнала 60-х гг. — «Искры» и непревзойденный переводчик Беранже.

Переводы Курочкина создали ему огромный круг читателей в самых разнообразных слоях населения. Дотоле неизвестный литератор, печатавшийся в малораспространенных журналах и газетах, он вдруг становится моднейшим поэтом. Переводы из Беранже в короткий срок выдержали ряд изданий: в 1858 г. — два издания в один год, — в 1864, 1867, 1869, 1874. Когда вышел первый сборник в 1858 г., впечатление от него было ошеломляющее. Редко какая книга производила такой эффект (см. воспоминания Н. Лейкина, С. Максимова и др.). Кстати сказать, сообщение И. И. Ясинского («Роман моей жизни», Л. 1926), будто Курочкин говорил ему: «По совести молвить, разве мой русский Беранже не лучше французского?» — если сообщение соответствует действительности, — свидетельствует, что и сам Курочкин смотрел на свои переводы, как истый поэт-публицист, поэт-агитатор, поэт-общественник. Беранже был в искусных руках Курочкина сильнейшим оружием для выражения в поэтической форме взглядов протестующего разночинца. В стихах Беранже, как и в переводах Курочкина, воплотились и боевой демократизм, и острая социальная насыщенность, и нетерпимость к классовому врагу, и оппозиция в отношении дворянско-классического литературного штампа, против которого протестовало классовое самосознание мелкого буржуа.

¹ Ознакомившись с заметкой тов. Демьяна Бедного, я выражаю полное свое согласие с расшифровкой такого рода, считая ее убедительной расшифровкой не художественного персонажа, а исторической ситуации.

В какой мере переводы Курочкина из Беранже органичны российской действительности, можно заключить по следующему. Граф Капнист в доносе министру внутренних дел сообщает: «Обладая легким, гибким и звучным стихом, Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а переделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя дух подлинника, он очень легко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что в сущности Беранже является только сильным орудием, и под прикрытием его имени Курочкин преследует свои цели» (М. Лемке. Эпоха цензурных реформ).

¹ Насколько доносчик был прав, можно судить по нижеописанному, например, обстоятельству. Однажды Курочкин выступил с публичным чтением своих произведений. Он читал «Сплетник» ². По этому поводу мемуарист Л. Пантелеев вспоминает: «На этом же вечере ² Курочкин читал... Казалось, что потолок обрушится от рукоплесканий и криков, всякий раз сопровождавших слова: «Тише, тише, господа: господин Искарриотов, патриот из патриотов, приближается сюда». Вечер закончился исполнением шестнадцати раз Марсельезы»...

Оригинальное поэтическое творчество Курочкина находится в неразрывной связи с его переводной деятельностью. Стих его оригинальных творений насыщен боевым пафосом борца. Поэт бодро призывает идти против старого мира, гнусного и отталкивающего («Старая песня» и др.), в котором преуспевают одни пошляки («Счастливец», «Общий знакомый», «Примерный факт» и др.) и карьеристы («Явление гласности» и др.). Ряд стихотворений посвящен бытовому укладу — косному, тупому, исполненному фальши и моральной грязи. К этому циклу относится полное горечи «Завешание», остроумная сатира «На праздниках» и мн. др. О силе поэта в обличении современности можно судить по выдающейся инвективе «В наше время». Это — гневная филиппика, брошенная в лицо помещичье-капиталистическому режиму. Весь хаос капиталистического города, пронизанный денежным азартом, классовым угнетением, катастрофической необеспеченностью, голодной нищетой, разнузданным развратом магнатов, беспринципным нигилизмом властителей, показан здесь с пластичной очевидностью. Курочкин изобличает социальные язвы не в качестве частных явлений: нет, зараза в'елась в государственное тело так глубоко, что нейтрализовать ее можно лишь хирургическим путем, т. е. вместе с коренным изменением политического строя. Финал стихотворения «Старичок в отставке» говорит об этом достаточно ясно. Ту же тему трактует и полное энергией стихотворение «Тик-так» и мн., мн. др.

Курочкин — большой мастер. Им создан ряд превосходных по форме стихотворений («Знаки препинания», «Жалоба чиновника» и мн. др.). Легенда, будто Курочкин не поэт, а куплетист, — эта легенда (вернее будет назвать ее не легендой, а злостной клеветой) создана в либеральном лагере лигеров, ненавидевших Курочкина за его революционный пафос. В радикальных и революционных кругах 60-х и 70-х гг. Курочкин пользовался огромным вниманием. Но в эпоху последующего десятилетия — 80-х гг. — поэт-демократ был нарочито и преднамеренно замолчан, затерт и осмеян. С приходом же в литературу декадентов, символистов, акмеистов и пр. представителей «чистого искусства» публицистическая поэзия, натурально, не имела никаких надежд на внимание.

Но в наше время, в момент расцвета социально насыщенного слова, внимание к поэту-бойцу должно быть восстановлено, тем более что в неизвестных архивах косянут неопубликованные его произведения, которые, по свидетельству заслуживающих внимания авторитетов, стоят выше публикуемой здесь пьесы «Принц Лутоня».

А. Ефремин.

¹ Совершенно ясно, что заглавие «Сплетник» представляет собою смягчение из цензурных соображений. Самым подходящим было бы название «Шпион».

² 2 марта 1862 г. в Петербурге был устроен вечер в пользу отдела для пособия недостаточным студентам при литературной фонде (отдел был вскоре запрещен). Выступали Н. Некрасов, Н. Чернышевский, В. Курочкин и др. Вечер достопамятен как по овам, выпавшим на долю Некрасова, Чернышевского и Курочкина, так и потому, что некоторые участники (профессор П. В. Павлов) поплатились за выступление ссылкой.